

И. аль-Мукаффа

Калила и Димна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И11

И11 **И. аль-Мукаффа**
Калила и Димна / И. аль-Мукаффа – М.: Книга по Требованию, 2021. –
304 с.

ISBN 978-5-458-36933-6

ISBN 978-5-458-36933-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Почему же «Калила и Димна» волновала умы в течение столь долгих веков? Ведь литературы тех стран, где осуществлялись переложения и переводы этого сочинения, изобилуют произведениями самых разнообразных жанров, и поэтических, и прозаических, которые по своей значимости и художественным достоинствам намного превосходят сборник забавных басен о животных. Очевидно, причина популярности кроется в том, что провозглашаемая книгой цель, якобы «доступная лишь философу», не так глубоко запрятана и потому понятна простому читателю, неискушенному в философских вопросах. И цель эта — показать отношения человека и общества, вскрыть самые распространенные человеческие пороки, найти способы, с помощью которых можно от них избавиться, то есть сформировать личность разумного человека.

В различные эпохи читатели находили в «Калиле и Димне» то, что было интересно для всех сословий: ученые проникали в скрытый смысл забавных басен и сказок, постигая ту мудрость, ради которой Ануширван отправил Бурзое в опасное путешествие; простые горожане смеялись, читая о злоключениях недалекого мужа, поверившего неверной жене, или о хитрости обезьяны, обманувшей черепаху, желавшую получить обезьянье сердце, или же о глупости осла, который «отправился за рогами, но вернулся с отрезанными ушами». Многие узнавали в своемольном и жестоком льве — царе зверей — правителей своего времени, в тиграх, кабанах и шакалах — князей и вельмож, а в маленьких птичках, сумевших победить могущественного слона, — малых мира сего, и себя самого, и своих соседей и знакомых. Ну а, скажем, богословы видели в книге «божественную» аллегорию, повествующую о тпете бренного мира и о тех добродетелях, коими должен обладать каждый верующий и благочестивый человек, чтобы достойно провести свою жизнь и получить доброе воздаяние на том свете.

Книга оказалась поистине огромной сокровищницей сюжетов, неисчерпаемым кладезем, из которого можно было черпать и черпать. В ней был материал для создания и забавных басен, и коротких новелл, и назидательных и нравоучительных сочинений. Соединенные в одной книге мудрость и занимательность существовали как бы и раздельно: каждая из частей «Калилы и Димны» могла стать сюжетной основой для создания произведения любого жанра, прозаического или поэтического.

«Панчатантре» суждено был завоевать мир в «чужом» обличье, так сказать, переодевшись в арабское одеяние, — ведь не даром арабский язык в течение почти тысячелетия был одним из самых распространенных литературных языков мира. Сыграло немалую роль и то, что переводчик, вполне

возможно, значительно переработал оригинал, добавив предисловие — наиболее интересную в философском отношении часть книги — и исключив те главы, которые были слишком специфически индийскими и чуждыми для мусульманского и христианского монотеистического мировоззрения.

Особую популярность «Калила и Димна» получила примерно через триста лет после своего появления, в XI веке, когда к арабской литературе, особенно к ее художественной прозе, проявили интерес ближайшие соседи арабов — византийцы. Около 1080 года византийский прозаик Симеон Сиф перевел «Калилу и Димну» с арабского на греческий язык, дав ей название «Стефанит и Ихнилат» (букв. «Увенчанный и Следопыт»), так как переводчик «этимологизировал» имена шакалов, произведя имя Калила от «иклиль» (араб. «венец»), а Димна — от слова, обозначающего «остатки кочевья». Греческий перевод послужил основой для множества переложений и переводов на славянские языки, и уже в XII в. книга «Увенчанный и Следопыт» пришла на Русь, где приобрела широкую известность как правоучительное зеркало. Древнерусские переводчики почитали ее наставлением в христианском благочестии и даже утверждали, что автор — не кто иной как Иоанн Дамаскин, знаменитый христианский богослов.

В начале XII века знаток арабского языка Иоэль перевел «Калилу и Димну» на древнееврейский язык, и этот перевод в 60-х годах XIII века стал основой латинского переложения Иоанна из Капуи, который назвал его «Директорум вите хумане» («Наставление человеческой жизни»). Это было не случайно: Западная Европа XII—XIV веков находилась под обаянием «арабской учености», пришедшей главным образом из Андалусии — Арабской Испании. Философы увлекаются учением Ибн Рушда (Аверроэса), Ибн Сины (Авиценны), алхимики и астрономы изучают переведенные на латынь непосредственно с арабского или через посредство древнееврейского труды ар-Рази (Разеса), аль-Фергани (Альфрагануса) и многих других. Особенно усилился интерес к Востоку во время крестовых походов: рыцари вывозили оттуда клинки дамасской стали и скакунов невиданных статей, прекрасных пленниц и даже некоторые восточные мистические учения, купцы — пряности, драгоценные ткани и предметы роскоши, а ученые — тайны «восточной мудрости».

Латинский перевод «Калилы и Димны» дал возможность средневековым писателям разных стран переложить книгу на немецкий, итальянский, старофранцузский языки. Золотой фонд «Калилы и Димны» разменивается, из него берутся отдельные басни, притчи и новеллы, так что мы можем встретить их у

новеллистов эпохи Возрождения, у Боккаччо, в шванках Ганса Сакса, затем у Лафонтена, где они служат дополнением к эзоповским басням. Иногда переработки и переложения «Калилы и Димны» носят название «Басни Бидпая» (или «Басни Пильпая») — от имени философа Байдабы.

В то время как Западная Европа осваивала отдельные элементы «Калилы и Димны», на Востоке популярность сочинения стремительно увеличивалась. В 1144 году известный прозаик Низам ад-Дин Абу-ль-Маали переводит книгу с арабского языка на персидский, «украсив» и усложнив текст в соответствии со вкусами своего времени. Появляются десятки персидских переложений, прозаических и поэтических, новых переводов на персидский язык, и каждый отмечен все большим количеством риторических красот и ухищрений. Особенно отличается в этом отношении перевод Хусейна Ваиза Кашифи, содержащий множество поэтических вставок, подобно санскритскому оригиналу. Вряд ли Кашифи был знаком с санскритским текстом, очевидно, стихотворные отрывки — дань вкусам ценителей изящной словесности.

На турецкий язык «Калила и Димна» полностью впервые была переведена в XVI веке, может быть, с персидского языка. Наиболее известна среди всех турецких переводов и переложений книга «Хумаюн-наме». Узбекский и татарский переводы появились несколько позже, как и переводы на языки народов Дагестана (начало — середина XIX в.).

Чрезвычайно распространены обработки «Калилы и Димны» и ее отдельных частей в Юго-Восточной Азии — Малайе, Индонезии, Кампучии и других странах, и едва ли возможно перечислить переводы и переложения этой книги на разные языки стран Дальнего Востока.

В конце XVI века вазир великого могола Акбара (1556—1605) Абу-ль-Фазл вновь обращается к обработке «Калилы и Димны» и дает своему труду название «Ияре-даниш» — «Мерило мудрости». Так «Панчатантра» вернулась в Индию, пройдя причудливо-длинный, сложный путь.

На Руси интерес к басням «Калилы и Димны» не ослабевал вплоть до нового времени. В конце XVIII века обратили внимание на то, что «Калила и Димна» — не столько «поучительное», сколько обличительное сочинение. В 1762 году Борис Волков, «Академии наук переводчик», перевел с латинского языка «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского». В 1889 году был опубликован перевод с арабского «Калилы и Димны», выполненный М. В. Рябинным и М. О. Атаевой. После Великой Октябрьской революции вышла обработка

первой части «Калилы и Димны»¹, а затем и полный перевод И. П. Кузьмина и И. Ю. Крачковского² (И. Ю. Крачковский переводил лишь то, что не успел сделать И. П. Кузьмин — начало предисловия Бахнуда ибн Сахвана, предисловие Ибн аль-Мукаффы, часть первой главы и заключение книги).

Работа над интереснейшим средневековым памятником продолжается до настоящего времени. Библиография исследований и изданий рукописей «Калилы и Димны» поистине неисчерпаема. Ученые и переводчики всех стран мира принимают участие в подготовке изданий, сверке рукописей и комментировании «Калилы и Димны». Наиболее полные данные об изданиях «Калилы и Димны» и посвященных ей исследованиях содержатся в труде французского арабиста Шовена, но эта библиография за сто лет, прошедших со времени появления книги Шовена, настолько увеличилась, что составит теперь объемистый том, объединяющий работы на самых разных языках.

* * *

Сборник забавных басен о животных на пехлевийском и сирийском языках был популярен и в Сирии, и в Иране, которые частично входили в состав персидской сасанидской империи, существовавшей вплоть до арабского завоевания в VII веке. Сочинение это было частью домусульманского иранского культурного наследия, сыгравшего значительную роль в формировании арабо-мусульманской культуры.

Иранские древние традиции как бы помолодели, сменив обличье и «переодевшись в арабское платье». До поры до времени иранское наследие существовало в арабском Халифате подспудно, но в конце VII века, когда ослабло византийское влияние, бывшее особенно сильным в северных областях Халифата, омейядский халиф Абд аль-Малик (прав. 685—705) объявил государственным языком Халифата вместо греческого арабский.

С этого времени начинают выдвигаться на государственные посты представители старой иранской служилой знати, которые

¹ Арабская сказка Лев и Бык. Переработал С. С. Кондурушкин. Петроград, 1918, изд-во «Огонек».

² Примечание от редакции: перевод книги «Калила и Димна», выполненный И. П. Кузьминым под редакцией и при участии академика И. Ю. Крачковского, впервые был опубликован в 1934 г., затем переиздан массовым тиражом в 1957 г. Ныне перевод этот устарел, но в свое время сыграл важную роль в арабистике и литературоведении в целом. Новый перевод сделан по каирскому изданию, 1950, с привлечением изданий, выходивших в Дамаске (1959) и Алжире-Бейруте (1973).

обучали своих сыновей у лучших знатоков арабского языка и древней арабской поэзии. Именно из их среды вышло большинство «адибов» — образованных людей, которые умели и составить важный государственный документ, и написать литературное «послание» — своеобразное эссе на любую заданную тему, и участвовать в управлении огромным мусульманским государством, в которое вошли множество стран и народов — от Синда, нынешнего Пакистана, до Испании и южной Франции. В VII—VIII веках были выстроены новые города, где бок о бок жили аравийские бедуины, воины отрядов завоевателей, персы, иракцы-набатейцы, как называли арабы коренных жителей Ирака, чернокожие зинджи с восточного побережья Африки, представители других народностей. Одним из крупнейших городов того времени в Халифате была Басра, портовый город, который посещали купцы и мореплаватели с дальних островов, где можно было купить любые товары и рабов, привезенных из стран, захваченных мусульманскими войсками, где адибы, поэты и богословы устраивали религиозные и философские диспуты и поэтические состязания.

В Басре провел большую часть жизни Ибн аль-Мукаффа, отпрыск богатого и влиятельного иранского рода, представители которого принадлежали к числу потомственной служилой знати. Еще при Сасанидах предки Ибн аль-Мукаффы занимали государственные должности «писцов», то есть секретарей, служащих и глав различных ведомств — «диванов», и вазиров, а после завоевания Ирана арабами скоро вернули себе прежнее положение.

Отец Ибн аль-Мукаффы, Дадое, по прозвищу «аль-Мубарак» — «Благословенный», ведал взиманием налогов в Ираке. В то время существовало правило — периодически подвергать проверке, так называемому «взысканию», сопровождавшемуся пыткой, тех государственных чиновников, которые имели дело с крупными денежными суммами, то есть вазиров и сборщиков податей. Такому взысканию и был подвергнут Дадое и после пытки перестал владеть левой рукой, почему и получил прозвище «аль-Мукаффа» (имеющий скрюченную или отсохшую руку). После «взыскания» Дадое вновь занял свой пост при аль-Хаджадже ибн Юсуфе, наместнике Ирака.

Дадое был родом из города Гура, находившегося в иранской провинции Фарс. Его предки принадлежали к «маула» — вольноотпущенникам знатного арабского семейства Ахтамидов, осевшего в Басре, куда перебрался и Дадое со своей женой и сыном, прозванным «Ибн аль-Мукаффа».

Ибн аль-Мукаффа (букв. «сын человека с отсохшей рукой») прожил всего 36 лет. Ему было суждено стать свидетелем

трагических событий, которых произошло так много в беспокойной истории арабского Халифата, и главное — восстания 748—749 годов под руководством Абу Муслима из Хорасана, падения династии Омейядов в 750 году и воцарения новой династии — Аббасидов. Ибн аль-Мукаффа пережил четырех халифов — трех Омейядов и одного Аббасида — и умер во время правления второго аббасидского халифа аль-Мансура.

Родился Ибн аль-Мукаффа в 723 или 724 году в Гуре, и ему дали древнее иранское имя Рузбих. Юношеские годы он провел в Басре, куда переехала его семья. В Басре в то время можно было найти самых лучших учителей арабского языка и арабской грамматики. Отец готовил Рузбиха к карьере государственного служащего — секретаря, а наиболее важным условием для того, чтобы преуспеть в этой должности, было владение всеми тонкостями арабского языка, Корана (даже и для немусульман) и всего комплекса существовавших в ту пору гуманитарных знаний. Среди учителей Рузбиха называют многих выдающихся знатоков арабского языка, грамматики и риторики, общепризнанных авторитетов в области богословия, законоведения и поэзии.

Когда Ибн аль-Мукаффе исполнилось 18 лет, он покинул Басру и уехал в иранский город Шапур, где занял пост секретаря аль-Масиха, тогдашнего правителя города. Здесь юноша впервые встретился с неким знатным арабом, сыгравшим роковую роль в его судьбе. Этого человека звали Суфьян ибн Муавия, и его род восходил к одному из сподвижников пророка Мухаммада. Суфьян ибн Муавия отличался непомерной спесью и высокомерием и был вместе с тем туп, косноязычен, злопамятен и уродлив. Между Рузбихом и Суфьяном возникла взаимная антипатия, и Рузбих часто позволял себе довольно дерзкие выпады против своего недруга. У Суфьяна был огромный нос, и юноша, входя к нему, всегда приветствовал его словами: «Мир вам обонм» (то есть тебе и твоему носу). Однажды Суфьян, желая похвастаться своей сдержанностью и воспитанностью, сказал: «Никогда не раскаивался я в том, что смолчал», на что Рузбих незамедлительно ответил: «Немота была бы лучшим твоим украшением, так зачем же раскаиваться?»

В 743 году был назначен новый правитель Ирака и Ирана, сместивший почти всех старых наместников и правителей городов и провинций, как это было принято. Прежний правитель Шапура был также смещен, а на его место назначили уже известного нам Суфьяна ибн Муавию. Однако правитель не желал уступать город без боя и прибег к помощи окрестных курдов. Рузбих ибн аль-Мукаффа был его гоним к курдам и употребил все свое красноречие и влияние, чтобы склонить горожан и кочев-

ников на сторону своего покровителя. Произошло сражение между сторонниками Суфьяна и аль-Масиха, где Суфьян потерпел поражение и был тяжело ранен. Оправившись от раны, он поклялся, что жестоко отомстит Ибн аль-Мукаффе, которого считал своим злейшим врагом.

Рузбих прожил в Шапуре еще четыре года. В 747 году аль-Масиха изгнали из Шапура, а Ибн аль-Мукаффу, который к тому времени прославился как искусный и красноречивый секретарь (ему было тогда 23 года), переманил к себе правитель области Керман, где Рузбих оставался до 748 г.

В этом году началось грозное для правящей династии Омейядов народное восстание, возглавляемое Абу Муслимом аль-Хорасани, которое охватило вначале Хорасан — восточную область Ирана, а затем перекинулось в Ирак. Восставшие крестьяне и горожане провозглашали незаконность власти «безбожников и узурпаторов Омейядов», врагов Алидов — потомков Али, зятя пророка, — единственных «законных имамов» (то есть халифов), людей набожных и справедливых, подобных Али — ближайшему родственнику и законному преемнику Мухаммада. Приверженцев Али называли шиитами от слов «шиат Али» (букв. «партия Али»).

Правитель Кермана бежал от войск Абу Муслима, и мятежники захватили Керман, а затем весь Иран и Ирак, и наконец в 750 году сторонники Абу Муслима убили последнего омейядского халифа и престол достался Абдаллаху ас-Саффаху из рода Аббасидов, который приказал уничтожить весь род Омейядов, так что спастись удалось лишь немногим из них.

Рузбих, уже искушенный и опытный государственный деятель, принимавший участие и в сражениях, и в различных интригах сильных мира сего, сразу же примкнул к шиитам, которых поддерживало большинство иранской знати. Ведь Али, невестка которого была дочерью последнего сасанидского царя Пездигерда, традиционно считался покровителем персов. Рузбих становится секретарем поочередно у трех братьев Алидов — Исы, правителя Кермана, Исмаила, наместника южноиранского города Ахваз, и Сулеймана, получившего пост наместника и правителя Басры в 751 году.

С приходом к власти новой династии — Аббасидов, которые сумели оттеснить потомков Али, политическая и культурная роль Басры возросла, и этот город фактически стал столицей Халифата: в прежней столице — Дамаске — осталось слишком много сторонников Омейядов, Куфа «кишела еретиками», по выражению средневекового хрониста, а Багдад был построен лишь в конце 50-х — начале 60-х годов VIII века при втором аббасидском халифе аль-Мансуре. Басра середины VIII века

представляла собой весьма колоритное зрелище: гавань была заполнена судами, так что их мачты напоминали «густую рошу», на улицах слышалась арабская, персидская, греческая речь, в мечетях устраивались диспуты, где представители разных верований защищали свои воззрения, причем в спор вступали не только мусульмане, христиане и иудеи, названные в Коране «людьми Писания», но и зороастрийцы-огнепоклонники, дуалисты-манихеи, сторонники издавна осужденного в Иране учения Маздака, и даже «безбожники-зиндики» (впрочем, «зиндиком» могли назвать всякого, кто был «нетверд в вере»).

В Басре в это время было множество адипов, ученых, поэтов и прозаиков, которые заложили основы арабских гуманитарных наук. Несмотря на отдельные расхождения по вопросам филологии и грамматики и личное соперничество, они были объединены страстной любовью к знаниям и широтой взглядов, и Рузбих нашел среди них множество друзей. Среди басрийских адипов были арабы, персы и греки, христиане, зороастрийцы, мусульмане и манихеи, и всех их ревнители благочестия обвиняли в вольнодумстве и безбожии. Конечно, они не были атеистами, однако истинно набожных мусульман возмущали их «вольные речи», религиозный скептицизм и легкомысленное поведение.

Особенно недовольны были знатные арабы из древних кочевых родов, которых прежде всего возмущало то, что эти «аджамы» (неарабы, то есть «варвары», — так называли прежде всего персов) осмеливались заявлять, что они ни в чем не уступают чистокровным арабам. При этом персы ссылались на отрывок из Корана: «Мы сотворили вас разными народами» (подразумевалось «равными»). От слова «шууб» (народы) получило название идейное течение «шуубийя», представители которого провозглашали всеобщее равенство в исламе и мусульманском государстве. Многие персы, шуубиты, сохраняли свою религию — зороастризм.

В своих сочинениях писатели-шуубиты, высказывая свои взгляды, иногда открыто высмеивали арабов, обвиняя их в дикости, невежестве и необоснованном высокомерии, то завуалированно превозносили мудрость древних персов, иранскую образованность и воспитанность, мощь сасанидского государства и его славную историю. Они пересказывали и переводили на арабский язык «Книги царей» — персидские исторические хроники, легендарные повествования и зеркала.

Шуубитом и еретиком Ибн аль-Мукаффу считали и его покровители, которые настаивали на том, чтобы он отказался от своей старой веры и принял ислам. Его мусульманское имя Абдаллах показательно — так обычно называли новообращенных мусульман. Очевидно, служба у знатных Алидов требовала от Руз-

биха приобщения, хотя бы «внешнего», по выражению биографа, к государственной религии. Покровитель Рузбиха Алид Иса потребовал, чтобы, во избежание различных толков, которые могут повредить ему, Рузбих принял ислам и произнес «все-народно» трижды: «Я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад посланец Аллаха». Накануне этого события Ибн аль-Мукаффа, присутствуя на трапезе у Исы, стал «бормотать» зороастрийские молитвы за едой, как это было принято у огнепоклонников. На замечание Исы, что негоже будущему мусульманину «бормотать, словно язычник», Рузбих ответил: «Я боюсь провести хотя бы одну ночь, не имея никакой веры». В словах этих заметно «религиозное свободомыслие» Ибн аль-Мукаффы, раскрывшееся с полной силой в его переводе «Калилы и Димны».

Рузбих становится мусульманином. Но современники, да и последующие историки сочли его обращение лицемерным. Сам Рузбих иногда подчеркивал свою приверженность вере отцов (может быть, не вполне искреннюю). Так, проходя вместе с несколькими знакомыми адибами, в числе которых были и его враги, мимо зороастрийского храма — «дома огня», он произнес стихи популярного в то время поэта аль-Ахваса:

О дом возлюбленной, я оставил тебя,
Опасаясь врагов, но сердце занято только тобой.

Все присутствующие отлично поняли намек, и это лишь способствовало тому, что за Ибн аль-Мукаффой утвердилось слава еретика.

Рузбих оставался на посту секретаря правителя Басры, его литературная слава, влияние и богатство все возрастали, друзья превозносили его красоту, образованность, красноречие и щедрость.

В 754 году умер первый аббасидский халиф ас-Саффах, и халифский престол достался властному, жестокому и неразборчивому в средствах аль-Мансуру, который стремился прежде всего усмирить Алидов, надеявшихся получить власть после смерти ас-Саффаха. Главным соперником аль-Мансура стал его дядя Алид Абдаллах, который возглавил восстание против халифа, но верный Аббасидам Абу Муслим аль-Хорасани разбил его войска в сражении, и Абдаллах бежал в Басру, где находились его братья Сулейман и Иса, правитель города. Алиды получили небольшую передышку от преследований халифа, который в то время затеял сложную интригу против Абу Муслима, ставшего, как казалось аль-Мансуру, слишком сильным и популярным.

В 755 году Абу Муслим был убит по приказу халифа. Затем

аль-Мансур сместил Алидов со всех постов, лишив их должностей. Правителем Басры он назначил Суфьяна ибн Муавию, которому поручил доставить во что бы то ни стало Абдаллаха, скрывавшегося у своих родственников.

Иса не был уже правителем Басры, но сохранил свое огромное богатство и влияние. Обеспокоенный участью брата, ибо знал жестокость аль-Мансура, который не задумываясь убил бы своего дядю, если бы тот попал ему в руки, Иса потребовал у Ибн аль-Мукаффы, остававшегося его секретарем, составить текст «амана» — охранной грамоты. Эту грамоту он намеревался передать на подпись халифу, чтобы хотя бы в какой-то мере обезопасить Абдаллаха. Правда, такие охранные грамоты были не столь уж надежны, ибо почти всегда нарушались, однако нарушение клятвы, особенно данной потомкам Али, воспринималось общественным мнением неодобрительно и могло повредить халифу. Иса велел своему секретарю составить текст недвусмысленно и в самых резких выражениях. Может быть, чтобы иной поостерегся бы, опасаясь гнева могущественного халифа, но Ибн аль-Мукаффа, человек смелый, не желавший лицемерить и скрывать свои подлинные чувства, составил документ поистине уникальный. Текст содержал, например, такие выражения: «И если повелитель правоверных (т. е. халиф) предаст своего дядю Абдаллаха ибн Али, то жены его будут разведены с ним, кони — заперты в стойле, а рабы отпущены на свободу, и мусульмане будут считать себя свободными, от присяги... Если повелитель правоверных предаст его, то вся община Мухаммада вольна свергнуть его и объявить ему войну... Если я, халиф, предам его, то мусульмане вольны отречься от меня и от присяги, мне данной, которая больше не будет тяготить их. Не будет никакого договора, никакого покровительства и союза между нами, и всем истинным мусульманам должно выступить против меня... Если я предам его, то у меня нет никакой чести и веры и я буду проклят пред лицом общины нашего пророка...»

Прочтя этот текст «амана», халиф пришел в ярость. Он тут же осведомился, кто составлял документ, и послал к Суфьяну гонца, велел передать: «Избавь меня от этого человека». Новый правитель Басры, давно желавший отомстить дерзкому «зиндику», пригласил Ибн аль-Мукаффу якобы для переговоров и подверг его жестокой казни: или утопил в колодце, или, по сведениям других источников, отрубил руки и ноги и затем сжег в «таннуре» — глиняной печи для лепешек. Это произошло в 759 или 760 году.

До нас дошли лишь немногие произведения Ибн аль-Мукаффы. По сведениям биографов, он был автором большой книги